

Канаев А.Б.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ В КЫРГЫЗСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

A.B. Kanaev

RELIGIOUS IDENTIFICATION IN THE SOCIETY, KYRGYZSTAN

УДК: 323.284

В Кыргызстане в последние годы идет активное самоопределение религиозных общин и религиозных организаций, а также религиозной идентификации.

In Kyrgyzstan in recent years there is an active independence of religious communities and religious organizations, as well as religious identity.

С обретением суверенности постсоветскими республиками, и Кыргызстаном, в частности, проблема религиозной идентификации в нашей стране становится предметом исследования политологии, философии, социологии, психологии и других социальных наук¹.

В Кыргызстане в последние годы идет активное самоопределение религиозных общин и религиозных организаций, а также религиозной идентификации. Как выше отмечено, дискредитация или утрата прежних идентификационных критериев в стране привели к дезориентации и идеологическому вакууму, что не могло не актуализировать поиски новых идентификаторов. Закономерным результатом стал рост этнического самосознания, важнейшим признаком которого стала индивидуальная соотносимость с традиционной религией «своего» этноса.

Как известно, после обвального распада СССР все страны «новой» Центральной Азии, в том числе и Кыргызстан, заявили о своей принадлежности к мусульманскому миру, что явилось лишь констатацией той реальности, которая формировалась на протяжении многих веков. Атеизм, ставший одним из основополагающих, «несущих» компонентов советской официальной доктрины, после своего отступления неизбежно уступил место ответной волне «религиозации» общественного сознания, культуры, социальной организации. Вместе с тем кыргызстанское общество находится в переходном состоянии, содержащим в себе многовариантность дальнейшей эволюции политико-религиозной и духовной ситуации. К важнейшим факторам национально-государственного «бытования» и этнокультурного самоопределения народов традиционно относится религиозная идентичность, предполагающая отождествление основной массы населения или, по меньшей мере, «этнического ядра» с той или иной конфессией.

Таблица 1

Критерий религиозной идентичности стран Центральной Азии¹

№	Критерии идентичности	Страны региона				
		Республика Казахстан	Кыргызская Республика	Республика Таджикистан	Туркменистан	Республика Узбекистан
1	Тип режима	Слабо либеральный	Слабо либеральный	Слабо либеральный	Авторитарный	Авторитарный
2	Внешняя ориентация	РФ	РФ	РФ	РФ, нейтралитет	США
3	История за последние 150 лет	Кокандское ханство, Российская империя, СССР	Кокандское ханство, Российская империя, СССР	Бухарский эмират, Кокандское ханство, Российская империя, СССР	Бухарский эмират, Хивинское ханство, Российская империя, СССР.	Бухарский эмират, Хивинское, Кокандское ханства, Российская империя, СССР.
4	Языковая группа/ Подгруппа	Тюркская/ кыпчакская	Тюркская/ кыпчакская	Иранская/ таджикская	Тюркская/ Огузская	Тюркская/ карлукская
5	% титульной нации	50,6	60,6	62,3	77	75
6	Консолидированность титульной нации	Регионализм (3 жуза)	Регионализм (Север-Юг), трайбализм	Регионализм, горные памирцы	Трайбализм	Клановость
7	Традиции титульной нации	кочевые	кочевые	оседлые	Кочевые	оседлые
8	% основных конфессий	Суннизм, православие 60/40	Суннизм, православие 80/20	Шиитизм, исмаилиты 96/4	Суннизм, православие 0/10	Суннизм, православие 92/8

¹ Малтабаров Б. Религия в социально-политическом процессе в Кыргызстане. – Б., 2003; Курбанова Н. Ислам в общественно-политической жизни Кыргызстана. – Б., 2009; Молдалиев О.А. Ислам и политика. Политизация ислама или исламизация политики...? – Б., 2008; Артыкбаев М.Т., Гимазидинов И.Р. Ислам и политика. Ислам в социально-политическом процессе суверенного Кыргызстана. – Б., 2004.

² Артыкбаев М.Т. Институционализация политических систем суверенных стран Центральной Азии. Б., 2002. – с.32.

Как видно из таблицы критериев религиозной идентичности стран Центральной Азии, типы политических режимов составляют либеральная демократия с проявлениями авторитаризма (либеральная – Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане; авторитаризм – Узбекистане, Туркменистане).

Для нашего исследования основным вопросом было определение в процентном соотношении титульной нации стран Центральной Азии и их процентное соотношение основных конфессий. Таблица показывает процентное большинство титульных наций: в Казахстане – суннизм составляет 60%, православие – 40%; в Кыргызстане – суннизм составляет 80%; православие – 20%; в Таджикистане шиитизм составляет 96%, исмаилиты – 2%; в Туркменистане – суннизм составляет 90%; православие – 10%; в Узбекистане суннизм – 90%, православие – 10%.

Все эти данные показывают, что религиозная идентичность в странах Центральной Азии в основном определяется, прежде всего, исламом и православием. Определяя религиозную ситуацию в Кыргызстане, расположенном на «межцивилизационном перекрестке», на стыке кочевого и оседлого миров, исламского и христианского ареалов, следует отметить, что он отличается немалым своеобразием по сравнению с другими центрально-азиатскими странами.

Динамика процесса исламизации кыргызов-кочевников, занявшего несколько столетий, в значительной степени определялась воздействием внешнего фактора. Так, вхождение кыргызов в пределы России – государства с иным кодом политико-правовых и социально-культурных стандартов – ускорило исламизацию кыргызов, отчасти в результате сознательных усилий русских властей (до середины XIX в.), а позднее в связи с необходимостью противостоять русификаторской политике царского правительства и сохранить базовые элементы этничности. Нынешняя волна исламизации в Кыргызстане также разворачивается в условиях радикальных, поистине судьбоносных перемен, связанных с крушением СССР и неожиданным обретением суверенитета, однако ныне ислам актуализирует свои позиции в ином историческом контексте: уже не в номадической социокультурной среде, а в обществе преимущественно урбанизированного типа. Отсюда иные функции и иное восприятие ислама кыргызстанским обществом.

Для духовной атмосферы современного Кыргызстана, с одной стороны, свойственны попытки гипертрофировать роль ислама в кыргызской истории и культуре, с другой стороны, показательное обращение части интеллектуальной элиты Кыргызстана к доисламским, тюркским корням и истокам кыргызского этноса. Раздаются сетования на то, что «родному, но, как говорят, примитивному шаманизму мы предпочитаем далеко не родной, но

зато престижный уже у большей части человечества ислам».

Предпринимаются попытки сместить акценты в процессе этноцивилизационной самоидентификации в сферу феномена номадической культуры.

В последние годы в научной и творческой среде Кыргызстана возродился интерес к тенгрианству. В представлениях некоторых исследователей тенгрианство предстает как некая протокультура современной цивилизации, а тюрки – как народ-начинающий этой культуры. Кыргызстан ставший суверенным, обязан объявить себя правопреемником всей древней тюркской культуры.

Специалисты отмечают широко распространенное в последнее время в кыргызской среде обращение к народным традициям языческого характера (поклонение духам природы, духам предков, обращение к шаманам-бакшы и т.д.). Появляются все новые святыни, источники. Все более популярными становятся поклонения могилам святых. Впрочем, многие из этих обычаев, благодаря деятельности суфиев, приближены к исламским канонам. В массовом сознании эти проявления язычества не воспринимаются как противоречащие исламской традиции.

Показательно, что некоторые современные авторы призывают даже к разработке «собственного идентичного религиозного течения», на основе его аутентичности культуре кыргызского народа, конфессиональной терпимости, (что подразумевает «достаточную секулярность»), высокой духовности¹. Правы исследователи, что кыргызы сами по себе очень веротерпимый народ. С легкостью принимали зороастрийских жрецов, манихейских священников, буддийских иллигрифов, христианских несторианцев, мусульманских проповедников. И при этом не забывали своих народных истинно сокровенных верований: поклонение арбакам – духам предков, тенгрианства, культа Умай-Эне, шаманизма, анимизма, тотемизма.

Говоря о религиозной идентификации кыргызстанского общества, следует в очередной раз констатировать высокую адаптивность ислама к местным традициям и, прежде всего ханафитской религиозно-правовой школе, получившей распространение среди кыргызов и отличающейся большей терпимостью к доисламским традициям, инакомыслию, к использованию местного права (адата). Широко распространившийся среди кыргызов ислам стал формой приобщения народа к этой мировой религии.

В целом, как свидетельствуют данные социологических исследований, уровень религиозности современного кыргызстанского общества становится высоким. Для Кыргызстана характерна большая, по

¹ Садыков М.Н. Этнос и религия как идентификационные факторы // Саясат. - 1998. - №5. - С.42.

сравнению с другими народами Центральной Азии, доля населения, критически или индифферентно относящаяся к религиозной вере. По данным опросов, примерно больше половины кыргызов определяют себя верующими. Большой религиозностью отличается население южных областей Кыргызстана, меньший уровень религиозности зафиксирован в Иссык-Кульской и Чуйской областях². При этом подавляющее большинство респондентов (свыше 65%) заявили, что они участвуют в деятельности религиозных организаций и регулярной культовой практике. По оценкам казахстанского исследователя А.К. Жакиной, «интерес к религии носит характер самоидентификации, но не является религиозной потребностью, как у русских, так и у казахов», а «артикулированность религиозного вопроса в общественном и индивидуальном сознании есть не возросший уровень религиозности, а поиск путей обретения возрождения национальной самобытности»³. По существу, религиозная идентичность выступает как ипостась этнической самобытности. Приверженность исламу для многих кыргызов имеет скорее символический, знаковый смысл, нежели реальное наполнение. Основная часть населения не связывает с религией надежд на разрешение социально-экономических проблем.

Необходимо отметить различные проявления религиозной идентичности в разных сегментах кыргызстанского общества. При имеющем, в целом, место осознании принадлежности своего этноса к мусульманской общности нет консенсуса в понимании значимости и роли ислама в национально-государственном строительстве и жизни общества. Для образованной элиты ислам – это неотъемлемая часть национальной традиции и духовной культуры кыргызов. Исламское возрождение рассматривается как одно из проявлений духовной деколонизации и национального самоутверждения. Ислам трактуется как совокупность нравственных ценностей, как часть исторической памяти нации.

Прагматично и светски настроенный кыргызстанский истеблишмент предпочел бы направить исламское возрождение в русло фольклоризации, когда ислам стал бы элементом национального образа жизни наряду с одеждой, едой, костюмами, музыкой, поэзией. При этом подчеркивается, что получившее в последние годы распространение «мусульманское обновленчество» (под которым понимается распространение *ханбалитского* нетрадиционного для кыргызов, *мазхаба*) не должно выходить за рамки культурно-кыргызстанской государственности. В качестве основы общенационального единения предлагается рассматривать

«монорелигиозную систему идеологических взглядов, а не светскую идеологию национальной государственности».

С конца 90-х гг. государство предпринимает ограничительные меры в отношении распространения идей и деятельности организаций религиозно-радикальной направленности, прежде всего в южных регионах Кыргызстана. Как известно, Центральная Азия исторически была местом контактов религий, культур и цивилизаций. История свидетельствует о том, что на протяжении столетий в Центральной Азии сменились различные верования и культы. В истории были длительные периоды, когда различные религии мирно уживались друг с другом, нередко вспыхивали и межконфессиональные распри. Сменяя друг друга, тенгрианство, манихейство, христианство, буддизм, ислам и другие религиозные течения вырабатывали у народов, населяющих регион, повышенную адаптивность и толерантность мировоззрения⁴. На территории нынешнего Кыргызстана были распространены и зороастризм, и буддизм, и христианство. Основная же часть населения исповедовала ислам. Тем не менее, кыргызы менее подверглись влиянию ислама. Это сказывается в мало религиозности и кыргызы не фанатично относятся к религии. В этом отношении о Кыргызстане можно говорить как о периферии «исламской цивилизации». Учитывая сложные процессы, происходящие в поликонфессиональном обществе можно констатировать, что религиозные общины Кыргызской Республики подтверждают свою приверженность к миру. Этому способствует политика в Кыргызстане, направленная на то, чтобы полиэтничность была эффективной, гибкой. Поэтому основными принципами государственной политики на современном этапе кыргызстанского общества являются:

- равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка;
- запрещение любых форм ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности;
- сохранение исторически сложившейся целостности государства;
- право каждого гражданина определять и указывать свою национальную принадлежность без всякого развития национальных культур и языков народов;
- своевременное и мирное разрешение противоречий и конфликтов;
- запрещение деятельности, направленной на подрыв безопасности государства;

² Сейталиева Г.А. Отдельные показатели роста популярности ислама... – С.28-33.

³ Жакина А.К. Феномен современной религиозности в социологическом ракурсе // Саясат. – 1999. – №11-12. – С. 79.

⁴ Доновбаев А. Культура «толерантного» сознания и поведения народов Центральной Азии // Диалог культур и религий – гарантия мира и стабильности. – Б., 2002. – С. 143-145.

- возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни, ненависти, либо вражды;

- защита прав и интересов граждан за ее пределами, поддержка соотечественников, проживающих в зарубежных странах, в сохранении и развитии родного языка, культуры и национальных традиций, в укреплении их связей с родиной в соответствии с нормами международного права. Все это подчеркивает, что в процессе демократических реформ в Кыргызской Республике в целом обеспечены основные права граждан, предусмотренные декларацией прав человека и международными пактами о правах человека, в том числе и право на свободу совести и религии. Начался и продолжается процесс духовного возрождения народа Кыргызстана, граждане республики получили возможность беспрепятственно удовлетворять свои религиозные нужды и потребности.

Сегодня религиозная ситуация характеризуется возрожденческими тенденциями. Как отмечают ученые в этой области В. Тутлис, И.Иванова: «Сам вопрос выбора веры, обычно называемой свободой совести, на практике приобрел, весьма ограниченный статус – стал правом выбирать любую религию, но исключил широкую возможность не выбирать никакой. Люди не то, чтобы бояться проявлять свое неверие, а стараются не афишировать его. И если заявление о своей конфессиональной принадлежности или вообще религиозности прежде считалось определенным актом мужества, то теперь смелость нужна для того, чтобы публично причислить себя к атеистам или же религиозно индифферентным. К тому же религия стала еще предметом моды. И как всякая мода, она вошла в неспособное к самооценке массовое сознание»⁵.

Трудно представить, что у кыргызстанцев, в недавнем прошлом граждан Советского Союза, в котором активно пропагандировались идеи атеизма, в одночасье вспыхнули и запылали религиозные чувства.

Это связано с рядом объективных и субъективных факторов. Несомненно, что одним из главных условий наблюдавшегося религиозного ренессанса стало изменение самого общества, учреждение демократических норм в отношении религиозного мировоззрения и культовых учреждений.

Росту религиозных настроений способствует и усилившийся экономический кризис, социальное расслоение, поляризация в обществе, ослабление социальной защищенности граждан и рост численности безработицы. Новая нестабильная социальная среда зачастую превышает адаптационные возможности обычного человека. В этих условиях особую актуальность приобретают поиски

точек отсчета для самоутверждения, ориентиров для адаптации и самосохранения. Многие люди, среди них немало молодых, к сожалению, не понимают, что с ними происходит, поэтому они не могут найти соответствующих форм самоутверждения и самореализации. В основном это социально обездоленная часть населения, которая потеряв доверие к государству, пробует искать защиты и поддержки в религии⁶.

Литература:

1. Абытов Б.К. Караван-сарай, мечети и медресе как коммуникативные центры духовной культуры // Государство и религия в духовном наследии Кыргызстана: Труды института мировой культуры. - Б.: КРСУ, 2003.- Вып.3.- С. 274-278.
2. Айтдаркул К. Государственная политика Кыргызстана в борьбе с исламским экстремизмом // Опиумная война в Центральной Азии. Афганский наркотрафик и проблемы национальной безопасности государств центрально-азиатского региона: Материалы Междун. коллоквиума, проведенного в Академии МВД КР 28-30 мая 2000 г.- Б., 2000.- С. 183-185.
3. Айтдаркул К. Традиция и политика в Кыргызской Республике в межрелигиозных отношениях // «Свобода вероисповедания и обеспечение межрелигиозного взаимопонимания в странах Центральной Азии»: Материалы междун. науч. -практ. конф. конференции - Б., 2004.- 364 с.
4. Айтматов Ч. Мы должны знать, как нам жить вместе // Государственность и религия в духовном наследии Кыргызстана: Труды института мировой культуры.- Вып. III.- КРСУ-Бишкек-Лейпциг.-2003.- С. 127-129.
5. Алиев Р. Государство и религия. – Баку.-2004.
6. Курманов Э.Ж. О религиозном образовании в Кыргызстане // «Религия и образование»: Материалы круглого стола, посвященного 50-летию КГПУ им. И. Арабаева. - Б. ОБСЕ, 2002.-С.70-74.
7. Князев А. Ваххабизм в Центральной Азии: реалии политики и перспективы развития // Актуальные проблемы образования и духовной культуры Кыргызстана в евразийском пространстве: Труды Института мировой культуры.- КРСУ-Бишкек-Лейпциг.-2000.-Вып.2.-С.94-102.
8. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. - М., 2005.-286 с.
9. Максуд Р. Ислам - М.: ФАИР - ПРЕСС, 2005 - 304 с.
10. Мамаюсупов О.Ш. Вопросы (проблемы) религии в переходном периоде. – Б., 2003.-354с.
11. Малащенко А. Мусульмане в начале века: надежды и угрозы. – М., 2002.
12. Малтабаров Б. Религия и социально-политические процессы в Кыргызстане. - Б.:2002.
13. Милославский Г. Ваххабизм в идеологии и политике мусульманских стран. – М., 2001.
14. Мирсаитов И.Э. Особенности формирования политического ислама в Ферганской долине. - Б., 2004.-103 с.
15. Мурзахалилов К. Проблемы прозелитизма в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. - №1 (31).
16. Молдалиев О. Исламизм и международный терроризм: угроза ислама или угроза исламу? Б.: 2004.-199 с.

⁵ Тутлис В., Иванова И. Homo politicus и его религиозность на переходных этапах развития Кыргызстана // Центральная Азия и Кавказ. – 2000. - №6 (12) – С. 101.

⁶ Алишерова А. Религиозная ситуация в Кыргызстане // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. - № 4 (3). – С.54.

17. Молдалиев О.А. Ислам и политика. Политизация ислама или исламизация политики. - Б., 2008.-347 с.
18. Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир. Земля потомков патриарха Тюрка. - М.: Издательство Московской Патриархии, 2002. - 352 с.
19. Мюллер Ф.М. Введение в науку о религии. - М.: Высшая школа, - 2002.- 264 с.
20. Лугмар ажи Гуахунов. Деятели культуры и религиозные лидеры в построении культуры мира //Актуальные проблемы образования и духовной культуры Кыргызстана в евразийском пространстве: Труды Института мировой культуры.– КРСУ – Бишкек-Лейпциг.-2000. – Вып.2.-С. 56-60.
21. Мансур А. Основы ислама. – Б., 1998.-118 с.
22. Ислам: Энциклопедический словарь. – М., 1991.
23. Мамаюсупов О.Ш., Кабылбекова В.Ш., Курманов Э.Ж., Усенов Ш.У. Справочник по иностранным гражданам, прибывающих в Кыргызскую Республику с целью религиозной деятельности и прошедших учетную регистрацию. - Б., 2001- 119 с.

Рецензент: д.соц.н., профессор Бектурганов К.
